

Ирина ПУГИНА
г. Нижний Новгород

ВЫЙДИ НА КРЫЛЕЧКО

Солнечный свет, проходя через жёлтые занавески, становится гуще, мягче. Разливается по комнате, трогает веки, будит. Я лежу с закрытыми глазами, нежусь в этом медовом свете, ещё не понимая, проснулась я или нет. Заливистый петушиный крик за окном выводит меня из дрёмы. Я открываю глаза и изумлённо оглядываю комнату. Где это я?.. Деревянные балки на потолке, круглый стол, накрытый бархатной скатертью, вязанный коврик у кровати... Да ведь я у бабушки! Меня привезли вчера вечером — мамыны знакомые поехали навестить родственников и взяли меня с собой. Я выпила парного молока и тут же уснула, забыв за ночь и сборы, и дорогу. Утром ожидала увидеть свою комнату... а проснулась в бабушкином доме!

Я в восторге соскакиваю с кровати. Босиком бегу на кухню, с удовольствием вдыхаю запах хлеба и нагретого солнцем дерева. Где же бабушка? Открываю тяжёлую, обитую дерматином дверь, ведущую на веранду. В лицо сразу же ударяет жаром. Тонкие тюлевые занавески — не преграда, и горячие лучи щедрым потоком льются на дощатые стены, застеленный половиками пол, ступеньки лестницы...

Распахиваю входную дверь и вылетаю на улицу. Птичий щебет, квохтанье, лай собак, мычание коров — все эти полузабытые звуки деревни вдруг оживают и наполняют собой мир вокруг. Меня захлёстывает бурлящая, как газировка, радость, и хочется то ли петь, то ли смеяться, то ли всё вместе.

Двор утопает в густой мягкой траве. Осторожно трогаю босой ногой этот живой ковёр, с любопытством оглядываюсь. Деревянный забор, на котором сохнут перевернутые банки, пёстрые цветы в палисаднике, старая раскидистая яблоня, синий поддонник у порога... Всё это я уже видела когда-то очень давно — год назад, но сейчас кажется, что вижу в первый раз.

— Никак встала, лапушка?

Бабушка прикрывает за собой дверь, ведущую в огород, — чтобы куры не набежали. Улыбаясь, протягивает мне миску с ярко-красными ягодами.

— На-ка вот, поешь свеженьких. Виктория-то как раз к твоему приезду подспела. Вчера ещё не было, а сегодня вон сколько набрала!

Я выбираю самую спелую ягоду — она такая большая, что еле помещается во рту. С наслаждением жую эту душистую сладость, протягиваю руку за следующей и моментально расправляюсь с полной миской.

Мы идём завтракать. Бабушка приносит кастрюлю с пшённой кашей, которая с утра ждёт в углу, закутанная в тулуп. Нет ничего вкуснее этой каши на деревенском молоке, и я с аппетитом съедаю целую тарелку.

— Завтра девки приедут, будет кому за тобой доглядеть. А сегодня на почту со мной пойдёшь, — объявляет бабушка.

Я никогда не была у бабушки на работе и сгораю от любопытства. Мы идём вдоль деревни, которая, оказывается, тянется далеко-далеко — даже не видно куда. На мне нарядное платье с воланами, разрисованное зелёными и оранжевыми ромбами. Я торжественно шагаю рядом с бабушкой, то и дело поправляя воланы, — ведь мы идём не куда-нибудь, а на работу!

После жаркой улицы я неожиданно попадаю в прохладный полумрак. Пахнет сургучом, клеем и чем-то ещё — так пахнет только на почте. Бабушка сразу же погружается в дела. Я замечаю на столе пишущую машинку под чехлом. Меня всегда завораживали быстрые пальцы машинисток, звонко ударяющие по клавишам, — будто одновременно играют на пианино и бьют чечётку. Я мечтаю когда-нибудь тоже так научиться! Прошу бабушку вставить чистый лист и начинаю увлечённо стучать по клавишам-буквам. Правда, пока получается печатать только одним пальцем, но я рада и этому.

— Замёрзла, поди, сидеть-то? — бабушка заботливо трогает ладонью мой нос, качает головой — холодный. — Иди-ка на солнышко, погрейся!

Я послушно выхожу на улицу. На лужайке у почты пестреют мелкие цветы. Я пытаюсь сплести из них венки, но у меня ничего не получается — короткие стебельки не хотят держаться вместе. Раздумываю, чем бы ещё заняться. Мимо проносится загорелая девчонка с короткими светлыми волосами. Она колотит ладошками по стене почты и кричит:

— Туки-туки, Женька! Туки-туки, Катя! Туки-туки, Оля!

Из-за куста осторожно высовывается чья-то стриженная макушка.

— Туки-туки, Димка. Выходите, я вас всех застукала!

Тут она замечает меня.

— Ты к бабе Нюре приехала? Как тебя зовут?

— Ирина.

— А меня Лена. Ирка, будешь с нами в прятки играть?

— Я не Ирка, я Ирина! — возмущённо поправляю я.

Дома меня зовут только полным именем, и никто не называет Ирой, тем более Ирккой.

К почте стягиваются другие ребята, которых «застукали». Лена кивает головой в мою сторону.

— С нами ещё Иринка будет играть. Иринка, ты водишь!

Иринка — другое дело. Я с готовностью закрываю глаза и начинаю считать до десяти.

— Кто не спрятался, я не виновата!

За игрой время пролетает мгновенно. Бабушка вешает на дверь почты большой замок, машет мне рукой.

— Обедать пора!

Я с сожалением вздыхаю. Ленка по-дружески улыбается.

— Мы вечером на крыльце столовой собираемся. Приходи, ещё поиграем!

Я вопросительно смотрю на бабушку. Она кивает — можно.

— Приду! — радостно обещаю я.

Столовая рядом с нашим домом, почти напротив. В приоткрытую дверь видны длинные столы, на которых дымятся тарелки с борщом и гречкой. Ходят туда-сюда комбайнёры, трактористы и другой колхозный люд. Вечером шум стихает, но ненадолго. Как только двери столовой закрываются, на широкое крыльцо начинают стекаться ребятишки со всей округи.

Я поднимаюсь на крылечко, ищу глазами новых знакомых. Лена замечает меня первая.

— Иринка, иди сюда! Я тебе место заняла.

Я усаживаюсь рядом с ней на лавку.

— Во что будем играть? — деловито спрашивает Оля.

— Давайте в «колечко»! — предлагает Димка, вытаскивая из кармана потёртую пятикопеечную монету. — Вот, за колечко сойдёт. Чур, я вожу!

Мы вытягиваем вперёд руки, сложенные лодочкой. Димка зажимает монету между ладонями и неспешно двигается вдоль лавки. Его «лодочка» ныряет в наши сложенные руки и тут же выныривает обратно. Все искоса переглядываются, пытаются угадать, кому же досталось «колечко». Наконец очередь доходит до меня. Я чувствую, как монета из Димкиных рук падает в мою «лодочку».

— Колечко, колечко, выйди на крылечко! — орёт Димка, и я тут же вскакиваю на ноги. Ленка хватается меня за подол, пытаюсь удержать, но я, хохоча, выворачиваюсь и встаю на место Димки. Теперь моя очередь водить!

Мы с азартом играем в «колечко», ещё и ещё. Но тут неловкая Катька, пытаюсь выскочить с «колечком» вперёд, роняет его на пол. Как нарочно, монетка попадает в щель между досками и проваливается под крыльцо. Все разочарованно вздыхают. Больше ни у кого монетки нет, нужно придумать другую игру.

— А давайте соревнование устроим, кто быстрее вокруг столовой обойдёт! — предлагает Женька. — Только не по земле, а по фундаменту.

Всех увлекает идея новой игры, и Женька принимается объяснять правила. Нужно обойти всю столовую, не сходя с фундамента, который тянется вдоль столовской стены. Участвовать будут двое — один пойдёт от крыльца по часовой стрелке, другой против часовой. Кто первым вернётся назад, тот и выиграл.

— Давайте разделимся по двое, а потом рассчитаемся, кто за кем.

Ленка берёт меня за руку — мы с ней будем в паре. Нам выпадает соревноваться первыми. Все на крыльце, конечно же, болеют за Ленку. Понятно, я в их компании новенькая... Но всё равно немножко обидно.

Я осторожно перелезаю через перила у самой стены и встаю на узкую полоску бетонного фундамента. Высоко! Держусь одной рукой за перила, чтобы не упасть.

— Ты руки раскинь и к стене прижмись, — советует Женька. — А ногами по фундаменту скользи — одну подвинула, другую приставила... Так и ползи потихоньку. Смотри только не свались, а то там сзади крапива!

От слова «крапива» кожа сразу покрывается пупырышками. Страшно — вдруг упаду?... Но показать себя трусихой ещё страшнее. Я отрываю руку от перил, прижимаюсь щекой к бревенчатой стене. Она тёплая и шершавая. Здесь крапивы нет, это меня успокаивает — если что, можно спрыгнуть на землю, как будто не удержалась и упала. Это ничего, это не стыдно.

Я начинаю медленно двигаться вдоль стены, цепляясь пальцами за шероховатые брёвна. Шаг, ещё шаг... Ленка за это время успела добраться до угла, её уже не видно. Но меня это не беспокоит, я и не думаю её обогнать. Главное, удержаться на этом неровном фундаменте и не упасть. Главное — дойти.

Стена кончается. Что дальше?... Нащупываю правой ногой опору за углом. Теперь нужно как-то перебраться туда самой. Хорошо, что из сруба торчат концы брёвен, есть за что уцепиться. Рывком переносу левую ногу на другую сторону, держась за брёвна. Сердце бешено колотится, но я ликую — получилось! Можно выдохнуть и не спеша двигаться вперёд.

Следующий угол я преодолеваю уже быстрее, и это меня воодушевляет. Похоже, я прошла половину пути! Вдруг впереди стена изгибается, и я в замешательстве останавливаюсь. Оказывается, здание столовой — вовсе не «кубик», как я считала раньше, а большая буква «Т». Меня ждёт «угол наоборот» — не внешний с торчащими брёвнами, а такой, какие бывают внутри комнаты. Пройти его ещё сложнее, потому что не за что ухватиться и легко потерять равновесие. Невольно бросаю взгляд вниз — повсюду заросли крапивы, с длинными толстыми стеблями и зубастыми листьями. Здесь мало света, и в погоне за солнцем крапива растёт и растёт вверх, превращаясь в пугающего зелёного монстра. Его ядовитые щупальца тянутся к моим ногам. Я беспомощно оглядываюсь. Может, повернуть назад?... Представляю насмешливые взгляды оставшихся на крыльце ребят. Нет, нужно идти вперёд! Делаю рывок и перелетаю через угол, к другой стене. На мгновение темнеет в глазах — от страха и от напряжения. Я замираю, уткнувшись лбом в тёплые брёвна, перевожу дыхание. Всё, можно идти дальше.

Позади столовой непривычно тихо — ни шума машин, ни лая собак, ни голосов. Серая стена кажется бесконечной, и меня охватывает тоска. Я машинально переставляю ноги, прижимаясь всем телом к растрескавшимся брёвнам. Между ними кудрявится пакля — единственное напоминание, что здесь до меня когда-то были люди. Вот и ещё один угол, на этот раз обычный. Я перебираюсь через него... и вдруг вижу загорелую фигурку,двигающуюся в мою сторону. Ленка! Я про неё совсем забыла; кажется, и она про меня тоже. Эта встреча посреди крапивного безмолвия ошарашивает нас обеих. Мы останавливаемся и смотрим друг на друга круглыми глазами. И вдруг понимаем, что на узком фундаменте нам друг друга не обойти.

— Давай я попробую через тебя перелезть, — неуверенно предлагает Ленка.

Я вжимаюсь в стену, боясь дохнуть. Прямо у моего лица глубокая трещина — её острый край

впивается мне в щёку. Ленка держится одной рукой за моё плечо, второй цепляется за бревно, засунув пальцы в трещину, и благополучно перебирается на другую сторону.

— Увидимся на крыльце! — весело бросает она и начинает быстро, по-паучьи, перебирать руками и ногами, стремительно удаляясь.

Я сразу вспоминаю, зачем я здесь. У нас же соревнование! От страха и тоски не остаётся и следа. Я торопливо переставляю ноги по фундаменту, который в этом месте выглядит особенно ненадёжным — там осыпавшийся край, тут выбоина... Но я даже не думаю о том, что могу упасть. Во мне неожиданно просыпается спортивный азарт, и я упрямо двигаюсь вперёд.

Вот пройден последний угол, уже видно крыльцо, где на лавках сидят в ожидании ребята. Я не могу рассмотреть, есть ли среди них Ленка. Хотя о чём это я, она давно должна быть там! Перелезаю через перила и без сил опускаюсь на лавку. Ноги дрожат.

— Поздравляю, ты первая! — торжественно объявляет Женька.

Я в недоумении хлопаю глазами.

— Видишь, Лены ещё нет, значит, ты выиграла, — повторяет Женька.

— Я?... Выиграла?..

Обвожу взглядом крыльцо — Лены и правда не видно. Остальные дружно кивают. Неужели я пришла первая?! Сердце начинает быстро стучать, дыхание перехватывает. Я краснею и смущённо улыбаюсь, начиная верить в свою победу.

— Страшно было? — спрашивает Катька.

— Ну да... Немножко. Особенно где крапива близко к стене растёт.

Катька как-то странно улыбается. Другие начинают посмеиваться, прикрывая ладонью рот. Я ничего не понимаю, растерянно перевожу глаза с одного на другого. Вдруг Димка, сидящий напротив меня, отодвигается в сторону... и я замечаю в темноте под лавкой знакомые светлые волосы.

— Это была шутка! — Ленка со смехом выбирается из-под лавки. — Было скучно ждать, вот мы и придумали тебя разыграть.

Сердце повисает на ниточке, а потом срывается вниз. От этого делается тяжело в груди и почему-то щиплет глаза. Я молча встаю и начинаю спускаться по ступенькам.

— Иринка, погоди!

Ленка сбегает вслед за мной, хватая за руку.

— Ты что, обиделась? — она встревоженно

заглядывает мне в лицо. — Мы ведь не хотели... Мы думали, что будет весело. Думали, ты тоже будешь смеяться.

Сердце возвращается туда, где ему положено быть. Теперь, когда я знаю, что это был не злой розыгрыш, он и правда кажется мне смешным.

— Может, ещё поиграем? — с надеждой спрашивает Ленка.

— Нет, мне уже домой пора.

Я совсем не обижаюсь, просто я очень устала. Она понимающе кивает.

— Тогда я тоже пойду, нам с тобой по пути. Видишь вон тот дом с красной крышей? Это мой.

Значит, она живёт всего через два дома от меня!

— Приходи ко мне завтра, в дочки-матери поиграем, — предлагает Ленка.

— Завтра не могу, к нам гости приедут. Может, послезавтра?

— Ладно, давай послезавтра, — соглашается Ленка. — А на крылечко завтра вечером придёшь?

— Приду. Вечером гости и без меня обойдутся!

Мы с Ленкой смеёмся. В груди легко и хочется петь.

На другой день у бабушки выходной. Она с утра хлопочет по хозяйству, а я верчусь возле неё. Иногда она даёт мне какое-нибудь поручение: собрать поспевшую викторию, кинуть комбикорм курам, проверить насесты — нет ли свежего яичка. Всё это ужасно интересно, и я с радостью бросаюсь исполнять любую бабушкину просьбу.

В полдень к нашему дому подъезжает грохочущий грузовик. Мелкий песок, покрывающий дорогу, сразу взлетает в воздух. Круглолицый водитель в клетчатой кепке выглядывает из кабины, кашляя от поднятой пыли.

— Петровна! — окликает он бабушку. — Сама-то на пристань поедешь, что ль?

— Да на кого ж я робёнка-то оставляю? — бабушка показывает на меня. — Ты уж сам поезжай. Соломы-то девкам припас?

— Вон, полон кузов. Как на перине поедут твои принцессы! — смеётся водитель.

К обеду грузовик возвращается. Из кузова на землю прыгивают «девки» — Рая и Зина, мои двоюродные сёстры. Бабушка деловито снёт между кухней и огородом, накрывает на стол. Наш дом наполняется шумом, смехом и громкими голосами. Рая с Зиной носят на веранду бес-

численные сумки и чемоданы, весело переговариваются. Потом мы все вместе распаковываем гостинцы — коробки с макаронами, банки с тушёнкой и сгущённым молоком, пакеты с конфетами и печеньем... Бабушка насыпает в вазочку конфет, и мы садимся обедать.

После еды никто не торопится выходить из-за стола. Рая и Зина отвечают на бесконечные бабушкины вопросы, рассказывают про каких-то людей, которых я не знаю. На меня никто не обращает внимания. Я уже жалею, что не пошла играть с Ленкой в дочки-матери. Скорей бы вечер...

На крылечке ещё никого нет, я первая. Занимаю самое удобное место — для себя и для Ленки — и нетерпеливо поглядываю на дорогу. Наконец на крыльце собираются ребята. Я вынимаю из кармана большую пластмассовую пуговицу, которую нарочно выпросила сегодня у бабушки. Мы начинаем играть в «колечко, колечко, выйди на крылечко». Правда, играем недолго, потому что с пуговицей выходит хуже, чем с монеткой, — она слишком лёгкая и липнет к рукам.

— Давайте опять в перегонялки вокруг столовой! — предлагает Димка, и все сразу же разбиваются на пары.

Ленка вопросительно смотрит на меня, но я качаю головой — мне больше не хочется играть в эту игру. Она встаёт в пару с Катькой, а потом с Женькой. Я, конечно, болею за Ленку и от души радуюсь, когда она приходит первая. Моя подружка быстрее всех, и я этим горжусь!

Утром я просыпаюсь, когда бабушка собирается на работу.

— Встала, ранняя пташка? — улыбается она. — Ну, иди девок буди.

Я бегу на северную веранду, где спят Рая и Зина. Там пахнет духами, на тумбочке лежит открытая косметичка с тюбиками губной помады, тенями для век, лаком для ногтей... Я бросаю любопытный взгляд на косметичку, но сейчас меня больше занимает завтрак. Сёстры сопят, укутавшись с головой. Терплю чьё-то плечо. Из-под одеяла показывается заспанное лицо Зины.

— Чего тебе? — недовольно бормочет она и переворачивается на другой бок. — Дай поспать!

Я возвращаюсь ни с чем.

— Вот вертушки, им бы всё спать да гулять, — сердится бабушка. — Небось за полночь с танцев вернулись!

Она решительным шагом входит на веранду и

сдёргивает с засонь одеяло.

— Будет валяться-то, бока пролежите! Аль дел у вас нет? Подите на стол соберите, робёнок с утра не евши!

Сёстры, зевая, нехотя поднимаются.

После завтрака я приношу книжку и прошу Раю почитать. Она отнекивается, но я хожу за ней по пятам.

— Ладно, давай... «В некотором царстве, в некотором государстве...» — тараторит она, так что я даже не успеваю понять, о чём сказка.

— Ты неправильно читаешь, — возмущаюсь я, — слишком быстро!

— Не нравится — читай сама, — она с насмешливым видом суёт мне в руки книжку.

Я иду к Зине, но та, скорчив гримасу, убегает.

Мне обидно до слёз. Больше ни за что не останусь с этими врединами, лучше буду ходить с бабушкой на работу!

— Ирин, там вроде курочка яйцо снесла, не хочешь посмотреть? — вкрадчиво спрашивает Рая.

Я обрадованно спешу в курятник. Осмотр насестов — это почти как поиски клада! Щупаю покрытую пухом солому в крайнем гнезде. Пусто... А в соседнем, кажется, что-то есть! Осторожно достаю беленькое, тёплое ещё яйцо. Сзади слышится приглушённое хихиканье и скрип задвижки. Я бросаюсь к двери — не открывается.

— Хоть пару часов от неё отдохнём, — произносит за дверью Зинин голос.

Я в недоумении застываю посреди курятника. За что они меня заперли?.. Мне досадно, но совсем не страшно. Выпиваю сырое яйцо — не держать же его в руке! — и размышляю, как отсюда выбраться.

Для начала исследую дверь. Задвижка снаружи, изнутри её не откроешь. Значит, нужно искать другой выход! В курятник важно войти красавец петух, и меня осеняет счастливая мысль. Внизу стены устроена маленькая дверца для кур; на ночь бабушка её запирает, а сейчас она открыта. Я встаю на четвереньки, просовываю голову в узкое отверстие — нет, так не пролезть. Ложусь на живот и ползу, извиваясь, как змея. Наконец выкарабкиваюсь на солнечный двор, отряхиваю с платья куриный помёт и победоносно оглядываюсь на курятник — я смогла, я выбралась!

Возвращаться к злым сёстрам не хочется. Идти на почту одной страшновато — вдруг заблужусь? Тут я вспоминаю про Ленкино пригла-

шение. Как хорошо, что её дом совсем рядом! До самого обеда мы играем с ней в дочки–матери. Я уже забыла про свой побег из заперти и весело шагаю домой.

Дверь в курятник почему-то нараспашку. Из дома доносятся причитания сестёр и сердитый голос бабушки. Что там случилось?.. Вхожу в комнату и вижу моих мучительниц с заплаканными лицами. Они вдруг вскакивают и с криком бросаются ко мне. Но их опережает бабушка — она хватает меня в охапку, целует, плачет и смеётся.

— Лапушка моя!.. Будь он неладен, этот курятник!

Я не понимаю, чему все так радуются, но мне тоже радостно — оттого, что бабушка дома, что сёстры сами ей всё рассказали и что больше они не посмеют меня обижать.

Вечером я, как всегда, поднимаюсь на крыльцо столовой.

— А мне колечко подарили, настоящее! — хвастается Оля, показывая простенькое кольцо на безымянном пальце. — Сыграем?

— Давайте сначала в перегонялки! — предлагаю я и сама удивляюсь своей смелости. — А потом в «колечко».

В этот раз мы с Ленкой соревнуемся последними. Я встаю на покатый фундамент и уверенно двигаюсь вдоль стены. Позади столовой мы сходимся. Я привычно прижимаюсь к брёвнам, Ленка быстро перебирается на другую сторону, и мы спешим дальше, не тратя время на разговоры. Мы обе хотим выиграть.

На крыльце меня встречают удивлённые взгляды ребят.

— Что-то ты слишком быстро! Точно нигде на землю не слезала? — недоверчиво спрашивает Катька.

— В крапиву? Ну уж нетушки! — презрительно фыркаю я. — А у вас точно под лавкой никого нет?

Все смеются. Из-за угла показывается запыхавшаяся Ленка. Она перелезает через перила и с громким «фу-у-х» плюхается на лавку.

— Ну ты даёшь, вперёд меня пришла! — восхищённо выдыхает она.

Все смотрят на меня с уважением.

— Теперь в «колечко»? — весело спрашиваю я.

Оля протягивает мне своё кольцо, и мы начинаем играть. Я вожу.

Ирина Анатольевна ПУГИНА

окончила Нижегородский государственный лингвистический университет, преподавала на кафедре французского языка, кандидат филологических наук, доцент.

Лауреат и финалист многих литературных конкурсов.

Публиковалась в журналах «Мурзилка», «Ключ», «БукиЗнаки», «Золотой ключик», «Енот», «Простокваша», «Сверчок», «Джин», «Дактиль», «Литературные знакомства»

(стихи, рассказы и сказки для детей).

